

Андрей Шапеев

Город на километровой горе

рассказы

Андрей Шапеев
Город на километровой горе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611310

Аннотация

«Город на километровой горе» – образец «мира наоборот», в котором, однако, проступают очертания некоторых узнаваемых социальных отношений.

Содержание

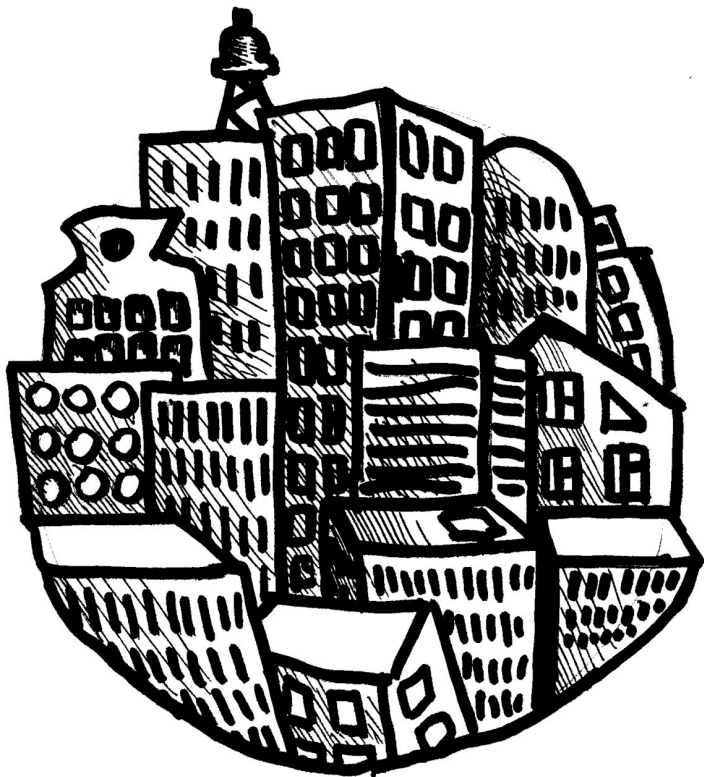
Город на километровой горе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Город
на километровой горе
рассказы
Андрей Шапеев**

© Андрей Шапеев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Город на километровой горе

Довольно много событий, когда-либо происходивших со мной, дробятся в памяти на мелкие моменты и момен-

тики. Некоторые из них по какой-то причине словно вываливаются из головы через уши. Таким вот образом теряется память о *целом* событии. И становится непонятно, было ли оно на самом деле. Образно говоря, если бы я мог заглянуть в свою собственную голову, я бы сказал, что оглядываю хозяйским взглядом то, что осталось, и думаю: «Что же это, черт возьми, все-таки было?».

Одно из таких событий случилось со мной двадцать четыре года назад. Не понимаю уже, было ли это со мной на самом деле, ведь мне-то всего девятнадцать. Во всем виноваты генно-модифицированные куры, которых держат под землей в темноте и кормят тухлой рыбой, а потом приходит мужик с топором, тят – и обезглавливает бедняжек, что даже света белого не видели, а потом отдает на куриный салат. Очаровательно улыбаются люди с довольными лицами на плакатах и вывесках заведений, где едят такие салаты. Вкусно им. На самом же деле в таком временном парадоксе виноваты не только подземные куры и мужики с топорами. Дело еще и в другом. В чем – сам не знаю. Причины – не мой профиль.

Начнешь задумываться о временном парадоксе, о курах, о профиле своих дел – вся история потеряет смысл. Так что лучше не заморачиваться.

Мне тогда было тридцать лет. Возраст такой – ни туда и ни сюда. Как ни крути, в самую пору семью заводить, и даже уже слегка поздновато. Пора детей воспитывать, в первый класс отправлять. И до пенсии совсем недалеко. Попал я то-

гда в один городок в горах, почти отрезанный от мира. Всю свою жизнь я чего-то добивался, строил воздушные замки и осаждал их. Иногда брал, иногда удача от меня отворачивалась. В общем, я всю жизнь мечтал. Работа у меня была такая. Сначала учился на мечтателя; затем сдавал экзамены по мечтанию, культуре мечтания, практическому мечтанию, семейному мечтанию и физиологии мечтания; после всего пошел на первую практическую работу. Так и работал до этого момента. Работа была совершенно не пыльная, спокойная, всегда хорошо оплачивалась, и не то чтобы я был богачом, но и острой нужды в чем-либо материальном я никогда не ощущал.

Суть деятельности была в том, чтобы мечтать. Хорошо и качественно, причем в разных городах. Мечтатель я был неплохой. Поэтому меня и назначили на работу здесь, в этом городе, который очень нуждался в моей помощи.

В горы мы ехали на автобусе, долго петляя по серпантину, как по лабиринту. Когда меня уже начало укачивать от бесконечных поворотов, автобус остановился. Люди высыпали из него и приходили в себя после поездки. Это была первая остановка за четыре часа. У меня все затекло, я размял шею, поприседал, покурил. И мы снова двинулись в путь, вверх. По пути я иногда глядел вниз. Вид с гор был потрясающим, вниз все казалось таким крохотным, чудным. И в то же время, я понимал, насколько все там высокое, даже эти деревья – секвойи, и те под сто метров.

Когда мы приехали в конечный пункт, люди из автобуса разошлись кто куда. Похоже, что все они были местные и возвращались обратно из столицы. У меня возникло странное щекочущее ощущение внизу живота, которое сопровождалось вопросом: «Как же здесь все могут жить так высоко, когда за домом уже обрыв высотой в тысячу метров?». Так, думал я, вот с какой крыши лучше всего прыгать, если хочешь убиться. Но я приехал сюда не убиваться, а работать. Я зашел в магазин, в котором за кассой сидела трехрукая продавщица. Но все в порядке – так и должно быть. Люди бывают разные: у кого-то одна рука, у кого-то – две, а у этой продавщицы – три. Я приобрел у нее пачку сигарет, пакет молока и батон. Я всегда лучше работаю, когда поем молока с батоном. Идя по улице к своему офису, я ощущал, что здесь что-то не то и не так. И дело было вовсе не в том, что в любой точке городка можно было увидеть обрывающийся вниз, захватывающий дыхание крутой склон, а совсем в другом. Я поздоровался со стоявшим у входа приставленным мне в помощники одноглазым человеком. Похоже, второго глаза у него никогда и не было. Чуть позже выяснилось, что вдобавок у него одна нога короче, чем другая.

Мы проследовали в офис. Там, стоя у окна, разговаривали две молоденькие девушки в коротких юбках. В волосах одной из них красовалась заколка цвета хаки, а на длинном извивающемся хвосте – белый браслет, на шее другой была титановая подвеска, выглядывающая из-под ее огромных

ушей, каждое размером с напольную китайскую вазу. С ними я тоже поздоровался. Они приветливо улыбнулись. У той, что была с заколкой, совсем не было зубов. Ничего, тоже бывает. Девушки ушли.

Мы устроились за удобным офисным столом и стали долго и по-деловому обсуждать условия сделки. Я внимательно вчитывался в текст на многочисленных бумагах и ставил в них подписи, затем мой пристав что-то мне рассказывал, и я брался за новую бумагу. Спустя час девушка с титановой подвеской принесла нам кофе и удалилась. Кофе был необычайно вкусным и в больших кружках.

Мы выпили, поговорили о местной погоде и погоде тех мест, откуда явился я, и снова принялись за бумаги. Так продолжалось два часа. Затем, когда мой пристав оставил меня, я выпил молока и попытался помечтать о чем-нибудь полезном для города, исполняя свою работу, но перед глазами ничего путного не появлялось. Одни бумаги. Чуть пожелтевшие, белые, совсем блестящие – и все с черными буквами. Эти буквы выстроились передо мной и начали выписывать пируэты перед глазами. Я решил продолжить завтра. А пока пил молоко и ел булку, думал, что же все-таки в этом городе не так. За окном по-прежнему расстился пейзаж далекого, затуманенного леса из секвойи. Деля на две части лес, шла широкая автомагистраль, отсюда казавшаяся узенькой тропинкой, по которой я приехал издалека, из того тумана, что на горизонте. Я никак не мог понять, что же не так. И,

откинувшись в кресле, решил немного вздремнуть.

Мне приснился маленький гном с факелом в руке. Он вел меня по каким-то шахтам, ходы долго петляли, мы много раз возвращались, когда он понимал, что мы не туда свернули. Передо мной постоянно маячила горбатая спина гнома, подчеркнутая светом факела. А потом мы вышли в маленькую комнату, гном куда-то исчез, и я оказался в офисе, где за столом сидела шикарная женщина. Чувственным голосом она сексуально что-то прошептала мне на ухо, и мы уселись за стол. Затем я стал подписывать бумаги. Много бумаг.

Я проснулся и залпом допил молоко. В двери моего офиса стучались. Откашлявшись, я крикнул: «Войдите!» – и принял презентабельный вид, стерев со лба платком холодный пот, появившийся после сна. В комнате тут же появился человек, в котором я узнал своего друга.

От удивления я встал, медленно пошел ему навстречу, вопросительно произнес его имя.

– Да-да, – сказал он, улыбаясь. Мы обнялись.

– Дружище, чертовски давно не виделись! Откуда ты вообще взялся здесь? – спросил я.

– Я работаю курьером. Доставляю товары и документы и слежу, чтобы клиенты ставили подпись за доставку.

– Ишь ты, какая диковинная работа! – искренне удивился я.

– И не говори. Я тут по делу оказался, еще неделю тут буду, решил заглянуть. Потом поеду обратно в столицу.

– А остановился где?

– В гостинице, неподалеку.

– Скажи, виды отсюда – просто закачаешься? Секвойи!

– Да уж. Я вот, когда приехал, встал на краю – и сразу так и закачался. То есть, буквально, так и повело из стороны в сторону. Я ж еще и высоты боюсь.

После работы, мы шли по улицам и разговаривали. О разном. Обо всем. О чем-то совсем конкретно, о чем-то – лишь чуть-чуть. Не виделись мы с ним уже, наверное, лет пять. В прошлом у нас было много общего, много что связывало, да и сейчас кое-что осталось. Так что поговорить было о чем. Мы сходили в местный ресторан, где в углу сидел дедок в фуражке, совсем без рук: ни плеч, ни даже ключиц не существовало. Так что форма тела его была овальной. Он играл на закрепленной на шее губной гармонике. И играл довольно неплохо. Моцарта в основном. Я ни разу не слышал, чтобы Моцарта исполняли на гармонике, но, если послушать внимательно хотя бы полминуты, сомнений не останется, – это Моцарт.

Яйцеголовый парень-официант, на руках у которого я насчитал в сумме пятнадцать пальцев (на одной руке – девять, на другой – шесть), принес нам бутылку шампанского. Мы выпили по бокалу за встречу, затем допили бутылку за едой. Друг заказал жареного баклана в сливочном соусе, а я – сокола в маринаде. Официант заверил нас, что этих птиц специально разводят на местной птицеферме.

– Хорошо играет, черт возьми, – отозвался мой друг о старичке в углу.

После ужина мы выпили еще по порции виски с содовой, договорились завтра встретиться у меня и разошлись по домам. У меня в комнате мотеля было все, что нужно, и ничего лишнего. Я разделся, повесил одежду на спинку стула, ополоснулся, покурил, глядя в окно. Из окна уже не было видно обрыва и леса. Только постройки какого-то промышленного типа. Все-таки что же в этом городе не то? Неужели все дело в высоте? Чем они в этом городе вообще занимаются? Зачем им жить так высоко? Я должен узнать город, прежде чем заниматься своей профессиональной мечтательной деятельностью, я должен знать, что они тут добывают, что выращивают, – короче, историю и характеристику. Оставались одни лишь вопросы, на которые ответа я не знал.

Затушив окурок в кем-то приспособленной под пепельницу банке из-под ананасовых колец, я нырнул под одеяло и стал считать придуманные флаги у воображаемого здания конгресса ООН и почти сразу же заснул. И никакие вопросы меня не мучили.

Утром я тщательно выбрился, распаковал свою легкую сумку, с которой вчера приехал и с которой ходил и на работу, и в ресторан. Достал оттуда репродукцию гравюры Эшера «Относительность», положил в рабочую папку. Эшер часто помогает мне в мечтании. Вот так помечтаю минут пять, минуту посмотрю на гравюру, затем опять пять минут по-

работаю. И так – пока не подойдет время обеда. Мечтать – это не так-то просто, как может показаться. Сначала тщательно намечаешь объект мечтания, затем способы, методы, прогнозируешь варианты развития мечтаний, осуществляешь необходимые расчеты по динамике потенциального изменения мечтательного раздвоения ментальных генераций, а потом уже – мечтаешь. Качественно мечтаешь. Такая вот работа. Много тонкостей.

Но отправился я не к своему офису. Вернее, я сказал своему одноглазому приставу, что буду изучать историю и характеристики города. Тот предложил свои услуги, я отказался. Сев на автобус, я добрался до библиотеки. В прохладной приемной приятно играла музыка Гайдна. За стойкой сидела лысая девушка, на голове у которой росла еще одна голова, только маленькая и какая-то расплющенная. Я поздоровался, девушка в ответ кивнула, затем красиво, отточенно и безжизненно улыбнулась и вернулась к своим делам.

Я просмотрел каталоги с книгами на стойке в приемной. Переписал пару номеров, вошел в читальный зал, куда Гайдн уже не доносился, взял нужные книги. И стал читать об истории этого города, его особенностях, о местных знаменитостях – обо всем, что хоть как-то было связано с этим городом. В читальном зале помимо меня сидело еще семь человек. Три женщины, четверо мужчин. Все они уткнулись в книги, листали их, пробегали глазами по строчкам, иногда что-то записывали в свои тетради, записные книжки или,

уставившись на несколько секунд в пол или потолок, что-то представляли, а затем снова читали.

Я выписал из книг в блокнот следующее.

Основан некими поселенцами на этой горе. Тогда, двести двадцать лет назад, сюда приехало пятьдесят процентов богачей, ищущих еще большего обогащения, и пятьдесят процентов рабочих (строителей, уборщиков, горняков, альпинистов и пр.). Добыча камня: гранита, пирита, алмазов. В настоящее время количество полезных ископаемых, в частности алмазов, уступает былому. Из двадцати пяти алмазных шахт работают лишь три. Ведутся новые разработки на высоте 270 метров над уровнем моря, 526 и 728. Местность горы сейсмически не активна, радиационно не загрязнена. Электричество вырабатывается каменноугольной электростанцией на 898-м метре над уровнем моря, на 200 метров ниже поселения. На сегодняшний день население составляет приблизительно 207 тысяч 800 человек. Ниже черты бедности находится всего 0,03 процента населения. Власти планируют принять необходимые меры по повышению доходов для этого населения, стимулируя снижение цен на важнейшие предметы быта и продукты питания. 56 процентов – выше официально установленного среднего уровня...

В общем, острой нехватки мечтателей я не обнаружил, сколько ни рылся. Хотя пробежал глазами бесчисленное количество текстов – от статей в газетах и энциклопедиях

до изданий по истории; просидел, таким образом, почти весь рабочий день в библиотеке. Вместо обеда перекусил сэндвичем с яичницей и кофе, что продавали в библиотечной столовой в цокольном этаже, где ко мне подошла женщина, одна из тех, что сидела в читальном зале.

– Извините, – сказала она, – мы с вами нигде не встречались?

– Может быть, – допивая кофе, ответил я и поставил чашку перед собой. Взглянул на дно чашки, затем на женщину, на дно, снова на женщину.

– Что видите?

Женщина имела приятный голос и симпатичное тело в коротком свитере и облегающих джинсах. Лицо ее было перекошено на одну сторону, вся кожа лица стягивалась в точку перекоса. Один глаз был закрыт нависающими натянутыми слоями кожи.

– Я вижу три горы, над которыми летит Руслан к Людмиле на бороде у старика. А вы что видите?

Она улыбнулась:

– Я вижу три маяка, стоящих у моря. Очень давно не была у моря.

– А я очень давно не видел гор.

Мы помолчали. Она положила свою трехпалую руку на мою пятипалую. Рука у нее, впрочем, была совершенно обычной на ощупь, но в то же время притягательной. Мне это было приятно.

– Я Америя.

– Красивое имя, – я медленно закивал и назвал свое.

– Мне пора. Если что, еще увидимся.

– Завтра. В восемь у статуи Баха, – это место я увидел в картах города.

– Это свидание?

– Может быть.

– Может быть?

– Именно так.

Она улыбнулась на прощанье и покинула столовую.

В чем же дело? Нас обычно вызывают в бедствующие города, чтобы мы их облагораживали. А этот случай – совсем непонятный. Все-то у них замечательно: и бедности нет, и Гайдна с Моцартом слушают. И алмазов – пруд пруди. Странное дело. В моем агентстве так и сказали: облагораживай. Вот только что тут можно облагородить, я и понятия не имел. Я вернулся в офис за два часа до конца рабочего дня совершенно расстроенный. Выкуривая у окна сигарету, я все время боялся, что окно откроется и высосет меня наружу. И что я буду лететь вниз бесконечно долго, пока не шмякнусь о камни, как кукла... или пока не сгорю в атмосфере. Не то чтобы я боялся высоты, просто очень уж странно было видеть из окна обычного офиса столь удивительное зрелище. В этом странном оцепенении я находился где-то минут десять. Потом взялся за следующую сигарету.

После этого я решил помечтать. Девушка с длинным хво-

стом принесла мне кофе. На ней была та же юбка, но заколки уже не было, и ее прямые, густые и блестящие, как в рекламе, черные волосы ниспадали на плечи.

– Спасибо, – поблагодарил я ее, – вы словно угадываете мои желания.

– Такая у меня работа, – мило ответила она и удалилась.

Я приступил к работе. Сначала строил проекты мечтаний, и все по алгоритму, а потом откинулся в кресле, понимая, что больше работать с бумагами сегодня пока не могу, да и в правильности проектов своих мечтаний я сомневался. Взглянув на репродукцию «Относительности», что стояла у меня на столе, я стал мечтать.

Но совсем не о том, о чем намеревался. Я представлял лицо Америки. В моем воображении она появилась с пятью пальцами на каждой руке, а лицо было симметричным, не стянутым. Носик – слегка вздернут. Эта была она и одновременно уже не совсем она. Не то чтобы я не мог вспомнить ее милую трехпалую руку и сжатое перекошенное лицо. Просто в моей голове она такой предстала. «В реальности она просто обворожительна», – подумал я. А ее образ перед глазами был все равно совсем другим, и я ничего не мог этим поделать. Начал представлять дальше. Лицо, симметричное лицо Америки, и *ее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.